

ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА ПОЛЬЗОВАНИЕ РОДНЫМ ЯЗЫКОМ*Тетерин Олег Анатольевич*

*Старший следователь отдела по особо важным делам
Следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Республике Коми
Тетерина Тамара Васильевна
Федеральный судья в отставке
Кандидат юридических наук, доцент*

RIGHT OF THE ACCUSED TO USE THE NATIVE LANGUAGE*Teterin Oleg Anatolevich*

*Senior Investigator of Department for High Priority Case
Investigation of the Investigative Department
of the Investigative Committee of the Russian Federation
for the Republic of Komi
Teterina Tamara Vasilevna
Federal Judge Emeritus,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с правом обвиняемого на пользование родным языком в ходе предварительного расследования. Анализируется неоднозначная судебная практика по обеспечению данного права.

Abstrakt

The article deals with issues related to the right of the accused to use his native language during the preliminary investigation. An ambiguous judicial practice is analyzed to ensure this right.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства; родной язык; владение языком; право пользоваться родным языком.

Key words: language of criminal proceedings; native language; language proficiency; the right to use the native language.

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс»

Российская Федерация, являясь правовым государством, признавая права и свободы человека высшей ценностью и ставя перед собой обязанность их признания, положениями ст. 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Одновременно, основной закон государства запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Учитывая вышеуказанные принципы, государство признает право каждого на пользование родным языком, а также на свободный выбор языка общения.

Несмотря на конституционное закрепление вышеуказанных прав и безусловное их признание и соблюдение, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства все чаще возникают споры по поводу невозможности использования стороной защиты права объясняться на родном языке.

Действительно, нормы уголовно-процессуального законодательства РФ предусматривают возможность участников уголовного судопроизводства давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым они владеют, в том числе, таким правом обладают подозреваемый и обвиняемый. При этом УПК РФ

предусматривает в таких случаях право пользоваться помощью переводчика бесплатно. В связи с чем же тогда возникают процессуальные споры, если законодательство прямо предусматривает и закрепляет указанные права, и с какими трудностями сталкиваются участники процесса на практике?

Исходя из буквального толкования норм ч. 2 ст. 18, п. 6 ч. 4 ст. 46 и п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ подозреваемый и обвиняемый вправе давать показания и объясняться на языке, который является для них родным, вне зависимости от того, владеют они русским языком или нет. Таким образом, на практике возникают случаи, когда сторона защиты, несмотря на свободное владение подозреваемым (обвиняемым) русским языком, заявляет ходатайство о желании дачи показаний на ином языке, который является для него родным или которым он владеет. Учитывая, что Россия является многонациональным государством, многие ее граждане, пользуясь при постоянном общении (например, во время учебы, работы, бытовом общении) русским языком, также владеют и разговаривают (например, с родственниками, земляками) на ином, родном языке, который они знают с детства, и на котором общались или общаются в семье. В связи с чем некоторые из указанных лиц, зачастую, злоупотребляя своими правами, с целью воспрепятствования производству по уголовному делу, затягивания сроков расследования, создания процессуальных

препятствий следствию и по иным причинам, изъявляют желание объясняться не на русском языке.

Данные ходатайства либо удовлетворяются со ссылкой на ч. 2 ст. 18, п. 6 ч. 4 ст. 46 и п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, либо следствие отказывает в удовлетворении таких ходатайств, мотивируя решения различными обстоятельствами, установленными в ходе предварительного следствия:

- подозреваемый (обвиняемый) родился и (или) постоянно проживает на территории Российской Федерации;
- образование (среднее, высшее) получал (получает) в российском учебном заведении и на русском языке;
- со знакомыми (родственниками) общается на русском языке;
- переписку (смс-сообщения, электронная почта, социальные сети, мобильные приложения «Ватцап», «Вайбер» и т.д.) ведет на русском языке;
- ранее при производстве с его участием следственных действий не заявлял таковых ходатайств, не просил предоставить ему переводчика;
- заявленные по уголовному делу ходатайства, обращения, жалобы, написаны на русском языке;
- в протоколах следственных и процессуальных действий имеются собственноручно выполненные записи (заявления, замечания) на русском языке.

Таким образом, отказывая в удовлетворении такого ходатайства, следователь мотивирует свое решение знанием подозреваемого (обвиняемого) русского языка, в связи с чем ходатайство о дачи показаний на родном языке или языке, которым он владеет, является результатом злоупотребления им своим правом.

Однако, в данном случае не учитывается, что подозреваемый (обвиняемый) может и не отрицать своего знания русского языка и свободное им владение, однако желает реализовать данное ему уголовно-процессуальным законом право давать показания и объяснения на ином, родном для него языке или языке, которым он владеет, что на практике приводит к многочисленным жалобам на решения следователя в судебном порядке, а также обращения в Конституционный Суд РФ об оспаривании конституционности ст. 18 УПК РФ, которая, по мнению заявителей, допускает необоснованное ограничение прав граждан на пользование родным языком при производстве по уголовному делу и потому противоречит нормам Конституции РФ.

При этом правовые позиции Конституционного Суда РФ сводятся к тому, что ст. 18 УПК РФ конституционные права и свободы заявителей не нарушает.

Так, по мнению Конституционного Суда РФ русский язык, который Конституция РФ определяет в качестве языка, являющегося государственным на всей территории РФ, подлежит обязательному использованию в судопроизводстве

и делопроизводстве. При этом в ст. 18 УПК РФ предусмотрено, что участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. Эти нормы уголовно-процессуального закона корреспондируют положениям ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», обязывающим обеспечивать лицам, не владеющим государственным языком Российской Федерации, право на пользование услугами переводчиков, и Закона РФ от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», закрепляющим, что лица, участвующие в деле и не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство, а также делопроизводство в правоохранительных органах, вправе выступать и давать объяснения на родном языке или на любом свободно избранном ими языке общения, а также пользоваться услугами переводчика. Используемое понятие «лицо, недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу», как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств уголовного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике и не препятствует правильному пониманию и применению соответствующего законоположения [3].

Таким образом, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что отсутствуют нарушения положений ч. 2 ст. 18 и п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ при отказе в предоставлении подозреваемому (обвиняемому) права воспользоваться данными нормами и давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, при установлении достаточной степени владения им русским языком, и данные положения не нарушают конституционных прав и свобод подозреваемых (обвиняемых).

Однако, несмотря на это, из анализа судебной практики судов общей юрисдикции следует, что суд может и согласиться с доводами стороны защиты, исходя из буквального толкования норм права.

Так, например, Президиум Верховного Суда Республики Дагестан, удовлетворяя жалобу адвоката об обеспечении обвиняемого переводчиком при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей, указал, что нарушение требований ч. 2 ст. 18 УПК РФ является нарушением принципа уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым

он владеет, пользоваться помощью переводчика бесплатно. По смыслу приведенных процессуальных норм предоставление или не предоставление переводчика или возможности изъясняться на ином языке не находится в зависимости от того, владеет ли обвиняемый языком уголовного судопроизводства. Неоднократный отказ стороне защиты в предоставлении переводчика со ссылкой на то, что обвиняемый в состоянии изъясняться на русском языке, является существенным нарушением закона, нарушающим принцип уголовного судопроизводства, и повлиял на исход дела [4].

В большинстве случаев суды субъектов РФ соглашались с мнением, что в случае установления в ходе предварительного следствия знания подозреваемым (обвиняемым) русского языка, желание последнего пользоваться родным языком само по себе не возлагает на органы расследования безусловную обязанность предоставить ему переводчика.

В частности, Курганский областной суд в апелляционном постановлении от 17.04.2017 по делу № 22-792/2014, указал, что Конституцией РФ (статьей 26) гарантировано право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Данный принцип нашел свое отражение в положениях п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, предусматривающих право обвиняемого давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет. Однако данное право не возлагает обязанности предоставления переводчика. Законодательство России, не ограничивая право лица пользоваться родным языком и свободно избирать язык общения, в случае участия в уголовном судопроизводстве наделяет его правом пользоваться помощью переводчика лишь при условии, если это лицо не владеет языком судопроизводства. При этом суд дополнительно сослался на ч. 3 ст. 10 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 5 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» и ч. 3 ст. 18 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» [1].

Соглашаясь с вышеуказанными позициями, суды ссылаются, в том числе, и на нормы международного права. Например, судебная коллегия по уголовным делам Ульяновского областного суда в апелляционном определении от 21.10.2015 по делу № 22-2372/2015 указала, что ст. 18 УПК РФ предусмотрено два основания для обязательного привлечения к участию в деле переводчика - когда участник уголовного судопроизводства не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу. По существу, аналогичный принцип закреплен в пункте "f" ч. 3 ст. 14 Международного Пакта от 16 декабря 1966 года «О гражданских и политических правах», в соответствии с которым обвиняемый имеет право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде,

или не говорит на этом языке. Из материалов дела следует, что Михайлов А.Н. свободно владеет русским языком, проживает на территории РФ, в ходе предварительного расследования и рассмотрения дела давал показания на русском языке, из чего с очевидностью следует, что осужденный грамотно использует русский язык в устной и письменной речи, логично размышляет на нем. С учетом этого имеются все основания считать, что уровень владения Михайловым А.Н. русским языком со всей очевидностью является достаточным для реализации им права по защите своих интересов в ходе уголовного судопроизводства, поэтому приведенные им доводы о невозможности надлежащего ознакомления с протоколами следственных действий ввиду недостаточного знания русского языка, указывают на злоупотребление им своим процессуальным правом, что недопустимо, поскольку препятствует разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, а также защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства [2].

Также имеются решения судов, которые при разрешении вопроса о нарушениях права подозреваемого (обвиняемого) на пользование услугами переводчика, оперируют только нормами уголовно-процессуального закона, без ссылки на иные нормативно-правовые акты. Так, Президиум Ставропольского краевого суда в Постановлении от 13.03.2017 по делу № 4У-1810/2016, мотивируя свое решение об отмене апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда о возвращении уголовного дела прокурору г. Пятигорска Ставропольского края для устранения препятствий его рассмотрения судом, указал, что на стадии предварительного следствия, во время допросов, при проведении иных следственных действий, проходивших в присутствии защитника, Карапетяну А.Г. были разъяснены его процессуальные права, предусмотренные ч. 4 ст. 47 УПК РФ. В процессуальных документах имеются его подписи и отметки о том, что данные процессуальные акты были им прочитаны лично, замечаний от него не поступало. При рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции Карапетяном А.Г. собственноручно на русском языке было написано и представлено суду «последнее слово» на двух листах, которое он зачитал самостоятельно на русском языке. Также на русском языке он давал показания как в ходе досудебного производства по уголовному делу, так и в ходе судебного разбирательства. Для оказания помощи при разъяснении юридических терминов Карапетян А.Г. был обеспечен защитником. Со стороны защиты никаких замечаний и заявлений о предоставлении переводчика в ходе предварительного следствия и при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции не поступало. Требования о предоставлении переводчика были заявлены Карапетяном А.Г. уже после постановления приговора, при обжаловании

его в апелляционном порядке. Поскольку Карапетян А.Г. в достаточной мере владеет русским языком, вывод суда апелляционной инстанции о нарушении права Карапетяна А.Г. на пользование услугами переводчика, является неправомерным [5].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что судебная практика по данному поводу, без рассмотрения вопроса о буквальном толковании вышеуказанных норм права, неоднозначна. В большинстве случаев она сводится к тому, что, несмотря на конституционное и уголовно-процессуальное закрепление норм, из буквального толкования которых следует, что подозреваемый (обвиняемый) вправе давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет, таким правом он может воспользоваться только в случае недостаточного владения им языком, на котором ведется производство по уголовному делу, то есть русским языком, а его заявления о желании давать показания на ином языке, являющемся для него родным – следствие злоупотребления им своих процессуальных прав.

В связи с чем, в случае заявления подозреваемым (обвиняемым) в ходе предварительного следствия ходатайства со ссылкой на требования ч. 2 ст. 18, п. 6 ч. 4 ст. 46 и п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, необходимо принять меры к установлению наличия или отсутствия достаточного знания им русского языка путем допросов знакомых, коллег, родственников, получения сведений с места учебы и работы, установления обстоятельств жизни и воспитания, анализа переписки, собственноручно выполненных им записей при обращениях в различные органы, а также в ходе расследования уголовного дела, и в случае подтверждения наличия такового, отказывать в его удовлетворении, мотивируя решение вышеуказанными обстоятельствами.

Список литературы

1. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 17 апреля 2014 г. по делу № 22-792/2014 //СПС «КонсультантПлюс»
2. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 21 октября 2015 г. по делу № 22-2372/2015 //СПС «КонсультантПлюс»
3. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1064-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рамазанова Эльшада Достали на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 и пунктом 6 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //СПС «КонсультантПлюс»
4. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Дагестан от 19 октября 2016 г. по делу № 4У-547/2016 //СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 13 марта 2017 г. по делу № 4У-1810/2016 //СПС «КонсультантПлюс»